



Почему распалась Югославия

ДЕЯАН ГУЗИНА

Могла ли Югославия избежать развала, будь у нее форма государственного устройства, отличная от федерализма? Мы этого никогда не узнаем, но структура, закрепленная югославской конституцией Тито в 1974 г., заложила фундамент для последующих конфликтов и сепаратизма. Тито пытался институализировать свою политику «братства и единства». Однако после его смерти конституционные основы государства Югославия способствовали прямо противоположному: разделению югославского населения на этнические группы.

Почему югославский федерализм оказался неэффективным? Основным его недостатком была неспособность разрешить проблему парадоксальных отношений между этнической составляющей и социализмом, двумя противоположными принципами управления многонациональным социалистическим государством. Конституция Югославии 1974 г. – лучший пример такого парадокса. Ее принятие было продиктовано попытками коммунистической партии, возглавляемой Тито и его самым доверенным идеологическим союзником Эдвардом Карделжем, разом решить две проблемы начала 1970-х гг.:

- повторное проникновения в страну национализма; и
- оказываемого давления за проведение политических реформ.

Вторая проблема, давление за проведение реформ, была продиктована быстрыми темпами процесса модернизации общества и возрастающими ожиданиями подающего надежды городского среднего класса в послевоенной Югославии.

Две неосуществленные задачи

Ответ Тито на кризис был осуществлен в двух направлениях: серии чисток и децентрализация экономики с самоуправлением рабочих на заводском уровне. Оба пути имели катастрофические последствия.

Чистки были достаточно жесткими. Первым шагом Тито стало проведение политических чисток реформистски настроенной части партии по всей стране. Все началось с так называемой кампании «Хорватская Весна 1971» и продолжилось спустя год устранением лидера Сербской Коммунистической Партии Марко Никезиц и его последователей, поддерживавших идеи либерализации экономики государства. Несмотря на то, что об этой вто-

рой чистке на Западе говорилось меньше, одна из самых проникательных журналистов, освещающих проблемы бывшей Югославии, хорватка Елена Ловрич, утверждает, что именно эта вторая кампания имела гораздо более негативные последствия для будущего Югославии, нежели свержение хорватских «национал-либералов».

После 1972 года в Сербии более 6000 человек потеряли работу в политической, экономической, культурной, информационной сферах. Их места были сразу же заняты партийными аппаратчиками, верными старым коммунистическим ценностям: революционной роли партии, эгалитаризму, партийной сплоченности и преданности, риторике братства и единства и т. д. То, что начина-

лось как настоящая модернизация, направленная на достижение задачи установления «социализма с человеческим лицом», закончилось сербской версией китайской культурной революции и в конечном счете подготовило почву для сильной антилиберальной, популистской альтернативы развития Сербии в 1980-х гг.

Затем шли экономические перемены. Второй задачей Тито было создание новой федеральной экономической структуры в Югославии. Идея заключалась в том, что реформированная самоуправляющаяся система могла бы обеспечить высокие темпы роста экономики, тогда как децентрализация могла бы удовлетворить как возрастающие потребности реального

процесса либерализации, так и большего регионального участия в процессе принятия решений. Эта программа обернулась катастрофой. Партия не справилась с подготовкой экономики к качественно новому уровню модернизации в 1980-х гг. Этнический национализм продолжал распространяться, несмотря на то, что единственный «успех» послужил эффективным средством предотвращения подъема социально-демократических движений, способных разрушить региональные границы.

Почему реформы Тито потерпели крах?

Как это произошло? Теоретически новая Конституция была основана на двойном суверенитете: суверенитете трудящихся – рабочего класса, и суверенитете наций и национальностей. Слово «национальностей» служило некой ссылкой на реальные меньшинства, такие как венгры и албанцы, проживающие в сербских провинциях Воеводина и Косово. Однако каналы, через которые рабочие могли пользоваться своими правами, осуществляли свою деятельность в пределах республиканских и провинциальных структур. В результате власть этих структур почти удвоилась за



Фестиваль 1950 года в Петровице (в 65 км от Белграда), прославляющий Тито.

Деяан Гузина – ассистент-профессор Департамента политических наук Университета Вилфрида Лори, Ватерлоо, Канада.



счет быстро сокращающихся федеральных институтов. Прямое навязывание системы самоуправления сообществам наций и национальностей – республикам и провинциям – почти привело к разрушению их авторитета в отстаивании прав рабочих.

Конституционное устройство предоставило югославской республиканской элите как форму и содержание национальной концепции существования, так и политическую власть. Последовавшие за этим изменения в структуре власти Югославии радикально подорвали связь между республиками и федерацией. В отсутствие многопартийной системы и интеграционных сил рыночной экономики региональным лидерам не приходилось рассчитывать на какое-то продвижение в центральном правительственном аппарате. Вместо этого они создали новые возможности в этническом плане в своих республиках и провинциях. В то же время федеральные назначения стали все более пониматься как «иностранные» посты, роль которых сводилась к благоприятствованию «дипломатическим» интересам соответствующих республик и провинций.

Экономический кризис 1980-х годов

И власть Тито, и международное положение Югославии в мире, разделенном холодной войной, тормозили растущие центробежные силы во всех югославских республиках. Но смерть Тито в 1980 г. и последовавший за ней тяжелый экономический кризис и финансовый крах в следующем году окончательно освободили дезинтеграционные тенденции внутри югославской конституционной системы. Значение провала модернизации трудно переоценить. Уровень жизни 1970-х годов сошел на нет в 1981 г., когда Югославия наконец узнала всю правду о состоянии своей экономики.

Между 1974 и 1980 годами Югославия заняла 16 433 млн. долларов у МВФ, западных правительств и большого числа западных коммерческих банков. Инфляция достигла годового уровня в 45 %, число безработных выросло до 800 000. Около миллиона людей стало так называемым «технологическим балластом». К 1984 г. уровень жизни достиг уровня 1960-х годов. В таких условиях республиканские лидеры стали обвинять друг друга в ошибках, допущенных в югославской экономике и социальной политике. Они могли иметь в виду только федеральный (точнее, уже конфедеральный) конституционный порядок, так как на практике их личное право вето позволяло преследовать свои личные интересы, направленные против других республик и провинций, не опасаясь последствий.

Неудивительно, что использование права вето, ставшего основным оружием каждого субъекта федерации, не зависело от того, какой вопрос стоит на повестке дня. Это негативно отразилось на легитимности Федерального Исполнительного Комитета – Югославского Кабинета, так как силы, участвовавшие в принятии решений, стали зависеть от решений, принимаемых на республиканском уровне. В конце 1980-х такое территориальное устройство лишило последнее проюгославское правительство, возглавляемое Анте Марковицем, возможности законно осуществлять свою деятельность. Даже несмотря на то, что в то время правительство Марковица пользовалось популярностью в Боснии-Герцеговине, Сербии, Хорватии, оно стало жертвой спланированной кампании, организованной республиканскими элитами Сербии,

Хорватии и Словакии, направленной на провал экономических и политических реформ. Это была последняя спланированная кампания, в которой Сербия находилась по одну сторону баррикад с Хорватией и Словенией. Важно и то, что предпосылки для их совместного ухода из югославского правительства были заложены в самой конституции. Кто-то может сказать, что Югославия не была убита, что это было самоубийство.

Проникновение этнического национализма

К началу 1990-х гг. страна была уже полностью расчленена: территориально, экономически и этнически. Авторитетные республиканские средства массовой информации, особенно местные телевизионные станции и газеты, подготовили югославских граждан принять политические лозунги с призывами к законности в Югославии: «Республика – Косово»; «Словения – моя страна»; «Боснийский дух»; «Сербия для сербов»; «Тысяча лет Хорватии»; «Идентичность Воеводины» и т.д. Вскоре эти лозунги превратились в 3 оформившиеся конкурирующие модели решения конституционного кризиса в стране. Реально они уже тогда представляли собой замаскированные проекты создания независимых и суверенных наций-государств. Модели для Югославии:

- конфедерация – предложение Словении и Хорватии
- федерация – Сербия и Черногория
- нечто среднее между двумя вышеуказанными – Македония, Босния – Герцеговина

Представители Словении были первыми из тех, кто четко сформулировал свое видение Югославии, как конфедерации. Их концепция об «асимметричной федерации» стала носить название «конфедеративной» модели во второй половине 1990-х годов, когда хорваты решили ее поддержать. Исходя из нее, принцип «большинства голосов» признавался негодным, т.к. демографически в Югославии преобладали сербы. Кроме того, эта концепция последовательно отстаивала принцип консенсуса и права народов на самоопределение, закрепленные в Конституции 1974 г. Своеобразной особенностью документа было наличие множества ссылок на Европу и Европейское Сообщество при отсутствии каких-либо ссылок на Югославию.

Позиция Сербии и Черногории основывалась на том, что любая формулировка, определяющая Югославию как конфедерацию, приведет к полной дезинтеграции страны и к понижению статуса более чем двухмиллионного сербского населения, проживающего в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, до неопределенного статуса национального меньшинства. Поэтому их предложение о федеральной форме правления в Югославии придавало особое значение принципам учета голосов большинства и обеспечения в большей степени прав граждан, чем прав меньшинств. Несмотря на очевидный демократический лексикон, сербско-черногорское предложение не учитывало культурного многообразия и исторических различий между югославскими республиками и народами. Главной целью его было сохранить государство, в котором все сербы проживали бы вместе, но этот лейтмотив сделал его проклятием для несербов. Как и в случае словено-хорватского предложения, оно выдвигало во главу угла особые интересы одной нации над интересами других.

**на практике право вето
позволяло преследовать
свои интересы,
направленные против
других республик и
провинций, не опасаясь
последствий.**

Третий путь» имеет недостатки, чтобы взывать ко всем

Боснийский и Македонский президенты Алия Изетбегович и Киро Глигоров обратились со своими предложениями к «югославскому обществу» накануне войн в Словении и Хорватии в июне 1991. Неудивительно, что в этой чрезвычайно напряженной обстановке они представили свою программу «третьего пути» между федеративной и конфедеративной концепциями развития Югославии как единственно возможную. Соответственно их «Платформа будущего югославского сообщества» была основана на концепции двойного суверенитета – республик и федерального центра, которые имели бы функции, аналогичные прописанным в Конституции 1974 г. Эти принципы обеспечивают единый рынок, гарантирование прав человека и меньшинств по всей Югославии, проведение общей внешней и оборонной политики. На самом деле их предложения были близки к словено-хорватской модели, в которой ясно, недвусмысленно право на национальное самоопределение ограничивалось теми народами, которые уже были оформлены в виде субъектов Югославской федерации. Народы же, проживающие вдоль республиканских границ (главным образом сербы в Хорватии и боснийские сербы и хорваты, или проживающие в этих республиках македонские албанцы) превратились бы в национальные меньшинства, как и предполагалось в объединенной словено-хорватской модели конфедерации.

Таким образом, в конце 1990 – начале 1991 г. стало очевидно, что Югославия зашла в конституционный тупик. В то время как «третий путь» и «конфедеративная модель» казались сербам путем к отделению, «федеративная» модель развития Югославии всем казалась неприемлемой из-за существования потенциальных угроз централизму. Этот конституционный тупик был окончательно преодолен неконституционными методами. К сожалению, сравнительно безболезненный переход к демократии и мирное решение проблем многонациональной федерации было возможно только при условии совпадения национальной и республиканской форм самоопределения.

В случае с бывшей Югославией этому условию соответствовала только Словения, как наиболее однородная по этническому составу республика в стране. В других случаях развал однопартийного государства привел не только к провалу демократических преобразований, но и к кровавому концу самой Югославии. Ее географическое пространство было разделено между маленькими нациями-государствами на основе их идентичности в узком этническом понимании национализма, когда под гражданскими правами понимают не права, предоставляемые каждому члену общества, а коллективные права конкретной этнической группы.

Уроки на будущее

Какие уроки могут быть извлечены из опыта Югославии? Развал Югославской федерации и война в Боснии и Герцеговине создали предпосылки для образования уже другой федерации – Боснии и Герцеговины, а также способствовали внедрению конкретных форм разделения властей в Македонии и Косово. Для многих югославов это выглядело как попытка потушить огонь, подливая в него масло. Но может быть, еще есть время спасти от огня хотя бы какую-то часть. Международное сообщество окончательно осознало, что проблема Югославии заключалась не столько в фе-

деративной форме правления или этническом многообразии, сколько в авторитарных политических структурах и недемократических традициях. Таким образом, ключ к решению югославских проблем лежит в плоскости либерализации и демократизации федеральной политической системы. Для бывшей Югославии время уже прошло, остается надеяться, что еще есть шанс у Боснии и Герцеговины и Македонии.

Даже если федерализм используется в качестве инструмента управления этническими конфликтами в многонациональных государствах, неизвестно, до каких пределов многонациональные федерации и другие формы территориальной и политической децентрализации могут быть использованы в конкретном регионе. Даже международная поддержка, оказываемая Боснии и Герцеговине в настоящее время в области применения принципов федерализма и поиска компромисса между этническими сообществами, еще не говорит о том, что у федерализма в регионе есть будущее. Одним из самых нежелательных последствий войны в бывшей Югославии стала открытое неприятие большинством людей в бывшей Югославии не только либеральной модели федерализма, но даже менее радикальных форм территориальной и политической децентрализации. Недавние выборы в Хорватии, Боснии и Герцеговине и Сербии видимо подтверждают такое предположение. Национальные партии до сих пор привлекают существенный процент населения в свои ряды и поэтому остаются серьезной альтернативой демократическим партиям в регионе.

Этот конституционный тупик был окончательно преодолен неконституционными методами.

Удастся ли воплотить в жизнь новые предложения по федерализму?

Существует еще один вопрос: насколько в действительности институты, предлагаемые Боснии и Герцеговине и где-то еще в регионе, отличаются от тех, которые были использованы в бывшей Югославии? Федеративная структура Боснии, как она определена в Дэйтонском (Охайо) мирном соглашении от 21 ноября 1995 г., сильно напоминает бывшую Югославию с одним лишь существенным отличием – риторическим упором на формальные институты либеральной демократии, нежели на социалистические принципы. Если такое положение останется неизменным, то последний эксперимент в сфере территориального устройства в Боснии и Герцеговине не будет иметь успеха. Такие федеративные эксперименты могут не оправдать себя и в других этнически многообразных государствах, таких как Македония, Афганистан и Ирак. Процесс децентрализации, проходящий в настоящее время в Боснии и Герцеговине, не выходит за рамки регионального уровня, позволяя, таким образом, этническим элементам оставаться единственным важным атрибутом гражданской идентичности в государстве. Без полной децентрализации этих регионов с одновременным усилением роли местного самоуправления и без развития гражданского общества результат может оказаться противоположным желаемому. Кроме того, преобладание этничности над якобы демократическими институтами только что демократизирующихся многонациональных государств может привести к непредсказуемому результату. Если однажды такое произойдет, то репутация федерализма и как права, и как инструмента управления многообразием в многонациональных государствах будет бесповоротно испорчена в глазах народов этих стран. ☺

